

Ominayashi

*Разделенные
звездами*

Ominayashi

Разделенные звездами

«Автор»

2026

Ominayashi

Разделенные звездами / Ominayashi — «Автор», 2026

В Нью-Йорке, который однажды вечером пахнет лавандой, Пайпер Кроу — будущий биолог, мечтающая о межгалактической станции, — впервые по-настоящему видит Джека Донована, однокурсника по Колледжу подготовки Космической гвардии. Он смотрит на небо так, словно оно ему должно, и первым говорит о её космосе её языком. Четыре года вместе: мандарины, Лем, дерево с корнями вверх, нарисованное в общежитии, и понимание, что впереди их ждут расстояния, которые не измеряются километрами. После выпуска дороги расходятся: Пайпер улетает на станцию «Маяк» выращивать светящиеся растения, Джек — пилот-навигатор — в экспедицию к туманности Ориона. Между ними — 582 световых года, скорость света и слово «Помню», написанное на клочке бумаги и зашитое в подкладку комбинезона. А на Земле учёные тем временем упрямо ищут способ догнать тех, кто улетел.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Разделенные звездами

Разделенные звёздами

Глава первая. В которой Нью-Йорк пахнет лавандой, а колледж — несбывшимся

Нью-Йорк в тот год пах лавандой. Нет, серьёзно. Кто-то — может быть, сумасшедший ботаник с верхних этажей биологического факультета — вырастил на крыше общежития целый сад провансальской лаванды, и теперь каждый вечер, когда с Гудзона наплывал влажный тёплый ветер, город на несколько минут переставал пахнуть бензином, горячим асфальтом и дешёвой пиццей, и начинал пахнуть так, словно вы вдруг перенеслись на холмы где-то между Грасом и Канны, где воздух такой густой, что его можно резать ножом и намазывать на тост.

Именно в такой вечер Пайпер Кроу впервые увидела Джека Донована.

Нет, неправда. Она видела его и раньше — они же учились на одном курсе Колледжа подготовки Космической гвардии, в одном здании на пересечении Бродвея и 212-й стрит, где окна лекционных аудиторий выходили на Гудзон, а потолки были настолько высокими, что казалось — это не аудитории, а внутренности какого-то гигантского кита, который случайно проглотил академическое учреждение и не заметил этого. Они видели друг друга в коридорах, в столовой, в лифте, который всегда ехал медленнее, чем хотелось, и пах машинным маслом и чужими духами. Но именно в тот вечер, когда город пах лавандой, Пайпер впервые его *увидела* — в том смысле, который вкладывают в это слово люди, умеющие замечать вещи.

Он стоял на крыше общежития, у самого края — там, где лавандовые кусты переходили в дикий мятлик, пробившийся сквозь трещины бетонного ограждения. Ветер трепал ему волосы — тёмные, чуть выющиеся, неухоженные, как и всё в Джеке Доноване. Он смотрел на небо. Не на город, не на огни Манхэттена, который отсюда, с севера, выглядел как гирлянда, брошенная в воду небрежной рукой, — а на небо. На звёзды, которые в Нью-Йорке обычно не видны из-за светового загрязнения, но в тот вечер, в тот час, по какой-то атмосферной случайности, проступили сквозь мутное стекло городского воздуха — редкие, колючие, похожие на булавки, вбитые в чёрный бархат.

— Экваториальное созвездие Орион, — сказала Пайпер, подойдя ближе, потому что молчать в присутствии человека, который разглядывает небо так, словно оно ему должно, было выше её сил. — Видишь, три звезды в ряд? Это пояс.

— Я знаю, — ответил он, не оборачиваясь. — Я не на Орион смотрю. Я смотрю чуть левее. Видишь туманность?

— Её отсюда не видно.

— Вообще-то, если очень хочется — видно. Туманность Ориона. М42. Полторы тысячи световых лет отсюда. Когда-нибудь я туда слетаю.

Это было сказано без вызова, без бравады — так человек говорит о том, что собирается заварить себе чай. И Пайпер вдруг почувствовала то, что впоследствии будет чувствовать каждый раз, когда Джек говорил о космосе: ощущение, что мир вдруг сделался больше, что потолки поднялись, что стены отодвинулись, и что воздух, который она только что дышала, стал слишком тонким для нового масштаба реальности.

— Я Пайпер, — сказала она.

— Знаю, — ответил он и наконец повернулся. У него были серые глаза с едва заметной зелёной каймой по краю радужки — как у кошки, которая притворяется равнодушной, но на самом деле высчитывает расстояние до птицы. — Ты биолог. Тебя зовут Пайпер Кроу, и ты хочешь на межгалактическую станцию. Разводить там что-то, что никто никогда не видел.

— Откуда ты знаешь?

— Ты выступала на студенческой конференции в прошлом семестре. Тема была «Адаптивные возможности искусственной биосферы в условиях длительной невесомости». Я слушал. Мне понравилось.

— И что тебе понравилось?

— Фраза «жизнь находит путь». Ты её сказала в самом конце, когда уже все заскучили. Ты сказала её так, словно это не цитата из старого фильма, а инструкция.

Нью-Йорк к тому времени снова начал пахнуть бензином. Лаванда ушла. Но Пайпер уже знала, что этот вечер — один из тех, которые не забываются, а откладываются в теле, как первый глоток чего-то, от чего потом невозможно отказаться.

Колледж подготовки Космической гвардии — это, если говорить честно, было учреждение странное. Оно готовило не военных — Космическая гвардия была гражданской организацией, — но и не совсем гражданских. Оно готовило людей, которые должны были уйти от человечества на очень большое расстояние и, возможно, не вернуться. И от этого в его стенах было что-то от монастыря — не религиозного, а того, в который уходят, чтобы научиться не бояться пустоты.

Здание на Бродвее и 212-й было построено в 2051 году, после того как ООН приняла резолюцию о создании постоянных межгалактических станций. Архитектор — женщина по имени Леа Чен, которая, по слухам, никогда не была в Нью-Йорке до того, как получила этот заказ, — спроектировала его так, что снаружи оно выглядело как старая красная кирпичная школа, а внутри — как космический корабль из утопического фильма шестидесятых: белые стены, мягкий рассеянный свет, коридоры, которые плавно изгибались, так что не было видно конца, и от этого казалось, что они уходят в бесконечность, и растения — всюду растения. Мхи на стенах, папоротники в нишах, орхидеи в стеклянных колбах на подоконниках. Леа Чен сказала на открытии: «Если мы хотим, чтобы люди жили в космосе, мы должны сначала научить их жить среди растений. Растения — это единственное, что напоминает нам, откуда мы пришли, когда всё остальное исчезает».

Пайпер любила это здание. Она любила всё в нём: и то, как мох на стенах в коридоре третьего этажа к весне выпускал крошечные, почти невидимые спорангии, и то, как в аудитории 412 потолок был сделан из матового стекла, и в полдень солнце проходило сквозь него, и всё пространство заполнялось мягким, как бы подводным светом, и то, как лифт пах машинным маслом, — потому что всё это означало, что она здесь, что она попала, что ей доверяют учиться тому, на что не учат больше нигде.

Джек любил другое. Джек любил симулятор.

Симулятор занимал два нижних этажа здания и представлял собой куполообразную комнату, в которую загружали программы реальных космических полётов. Когда Джек садился в кресло пилота — настоящее, от боевого катера «Гермес-7», списанного по причине устаревания и подаренного колледжу с благородным жестом, — и надевал шлем, мир для него исчезал. Вместо него появлялся космос — не чёрный, как ожидают все, кто никогда не был в симуляторе, а разный. Местами чёрный, местами сиреневый, местами — густо-синий с красными прожилками, как будто кто-то разлил вино на бархатную скатерть. И в этом космосе были звёзды, и среди них — корабль, который нужно было вести, и Пайпер, которая ждала на далёкой станции, и это ожидание было частью программы, которую Джек писал сам, тайно, по ночам, и никому об этом не рассказывал.

Нет, неправда. Пайпер он рассказал.

Это произошло на третьем курсе, в ноябре, когда Нью-Йорк облетают первые снежинки — всегда неуклюжие, всегда растекающиеся по асфальту в грязные лужи, но на пару секунд — чистые, невероятно белые, как будто кто-то наверху листает старую книгу и с её страниц осы-

пается пыльца. Они сидели в кафе на Амстердам-авеню — маленьком, тесном, с выпцветшими обоями, на которых кто-то когда-то нарисовал панораму Парижа, но так неумело, что Эйфелева башня выглядела как передатчик, а Сена — как трубопровод. Кофе был отвратительный. Пирог с черникой — великолепный, и Пайпер до сих пор не понимала, как заведение с таким кофе может печь такой пирог.

— Я написал для симулятора программу, — сказал Джек, и его пальцы — длинные, с мозолями на подушечках, как у всех, кто слишком много времени проводил за штурвалом — нервно постукивали по столу. — Там есть ты. На станции. Между галактиками. Я подлетаю, а ты...

— А я что?

— А ты разводишь что-то, что светится. Какое-нибудь растение, которое испускает свет. Биоллюминесцентное. Я не знаю, как оно называется, я не биолог. Но в моей программе оно голубое, и когда я подлетаю к станции, я вижу его свет через иллюминатор. Голубой свет. И я знаю, что ты там.

Пайпер молчала. За окном кафе снежинки ложились на тротуар и тут же таяли, и каждая, прежде чем исчезнуть, на долю секунды вспыхивала жёлтым от фонаря — как крошечная звезда, которая успела родиться и умереть, пока вы моргнули.

— Ты понимаешь, что это ненормально? — сказала она наконец. — Писать человека в симулятор. Без его ведома.

— Я не писал *человека*. Я написал присутствие. Намёк на человека. Тень.

— Голубой свет — это тень?

— Голубой свет — это то, что я чувствую, когда думаю о тебе.

И тогда Пайпер засмеялась, потому что если бы не засмеялась — заплакала бы, а плакать в кафе с отвратительным кофе и великолепным пирогом было бы слишком. Она засмеялась, и Джек засмеялся тоже, и их смех был похож на два ручья, которые сливаются в один, — не по звуку, а по направлению.

Глава вторая. В которой всё заканчивается, а мечты — нет

Они были вместе четыре года. Не четыре года любви — четыре года рядом, а любовь пришла не сразу. Она пришла на втором курсе, в марте, когда Пайпер болела — обычная простуда, насморк, температура 37,8, — а Джек принёс ей в общежитие мандарин, книгу Станислава Лема «Солярис» и записку, на которой было нарисовано дерево. Дерево было ужасное — корни росли вверх, а крона — вниз, и Пайпер сказала: «Это что, дерево из Зазеркалья?» — а Джек ответил: «Это дерево, которое растёт в невесомости. Я думал, тебе как биологу будет интересно». И Пайпер поняла, что любит его, — не в тот момент, когда он принёс мандарины или книгу, а в тот, когда он нарисовал дерево с корнями вверх, потому что никто раньше не пытался думать о её космосе её языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.